

ПОДЧИНЮ ТЕБЯ
СЕБЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

МЭРИ ВЛАД & ТОРИ МАЙРОН

Тебя – себе

Тори Майрон
Подчиню тебя себе

«Автор»

2023

Майрон Т.

Подчиню тебя себе / Т. Майрон — «Автор», 2023 — (Тебя – себе)

Выдавая меня замуж, родители обещали, что я окажусь в сказке. Однако у моего мужа на меня совсем другие планы. Я предала его, сама того не зная. Мой супруг холодный и жестокий человек, а я – пешка в его руках. Он не любит меня, но я нужна ему. И он не отпустит...Продолжение книги «Заберу тебя себе».

© Майрон Т., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Мэри Влад, Тори Майрон

Подчинию тебя себе

Глава 1

Начало истории в бесплатной книге «Заберу тебя себе»

Алина

Рой мыслей крутится в голове, пока мы поднимаемся на второй этаж. Треклятая лестница. Сколько раз я по ней уже прошла сегодня? Назар ведёт меня по коридору, всё так же сжимая мою руку, но я даже не рыпаюсь. Таким бешеным я Назара ещё не видела. Скандал сейчас и правда не нужен. Выясним всё наедине, за закрытыми дверями.

Он вталкивает меня в кабинет и закрывает за нами дверь. На ключ. И ключ этот кладёт в нагрудный карман. Что за...

– Дай мне ключ! – требую, задыхаясь от возмущения. – Сейчас же!

Назар никак не реагирует на мои требования, а спокойно идёт к столу, наливает себе выпить и делает пару глотков. Ни разу не видела, чтобы он пил. И спиртным от него никогда не пахло. Но сейчас это вообще неважно.

– Не объяснишь, что ты там устроил? Почему папа подыграл тебе? Или он, наоборот, тебя подкупил? Но зачем? Что происходит, Назар? С какой радости ты ведёшь себя здесь как дома?

Продолжаю засыпать его вопросами, но в ответ не получаю ничего. Назар просто пьёт виски и молчит, а я закипаю всё больше. А если Доган сейчас откроет дверь своим ключом и застукнет нас? Как тогда объяснить, что я заперлась в кабинете с другим мужчиной? Какой ужас!

От невозможности хоть как-то повлиять на ситуацию злость закручивается с удвоенной силой, и я вновь требую, требую и требую. А ещё угрожаю. Но на Назара не действует ничего. Он меня будто даже не видит!

Лишь когда мой поток возмущений иссякает, я наконец осматриваюсь, и понимание бьёт наотмашь.

Сбоку от рабочего стола висит та самая картина. Подхожу к ней и застываю.

– Что... Что она здесь делает?

– Не волнуйся, – доносится в спину. – Сюда никто, кроме меня, не заходит. Ещё, конечно, горничная, но она немая. Иметь при себе телефон во время работы ей запрещено, так что сфоткать тоже не сможет.

Медленно поворачиваюсь. Назар не сводит с меня глаз, и взгляд его недобрый. Нет в нём больше восхищения. Только чернильная тьма, утягивающая на дно, и вспыхивающие опасные огни. Кажется, он готов разорвать меня. Инстинктивно отступаю на шаг и шепчу:

– Кто ты такой?

– Эмир Доган.

Я и сама это понимаю. Поняла ещё внизу, когда Назар подошёл к нам, но отказывалась верить. И не верю до сих пор, хоть мозг и сигналил о том, что сейчас в кресле сидит вовсе не мой Назар. Этот мужчина слишком шикарный, жёсткий и холодный.

– Это что, шутка? – спрашиваю, всё ещё отрицая очевидное. – Я же видела фото.

– Тебе специально подложили не мою фотографию.

– Но зачем? Я не понимаю. Если ты и есть Эмир Доган, то к чему этот спектакль? Зачем ты обманывал меня? Почему не сказал ничего? Ты следил за мной? Тогда, в клубе? И почему был так уверен, что я не полезу в интернет и не найду твои настоящие фотографии?

– Как много вопросов, – он усмехается, ставит рокс на столик и резко поднимается на ноги. – Не против, если отвечу чуть позже?

Доган в три шага сокращает расстояние между нами. Шарахаюсь назад, но ноги путаются в подоле платья, и я теряю равновесие. Эмир реагирует молниеносно. Подхватывает меня, заключает в объятия, окутывая своим потрясающим запахом, и большим пальцем оттягивает мою нижнюю губу. Его взгляд темнеет всё больше, дыхание тяжелеет, становится рваным, а черты лица заостряются. Он злится.

Нет, даже не так. Эмир взбешён. И ещё возбуждён. По ходу, очень сильно, потому что в следующую секунду он обрушивается на мои губы, сминая их и сразу кусая до крови. Его язык хозяйничает во рту, ладони до боли стискивают мои бёдра, а привкус алкоголя сигнализирует о том, что Эмир и не подумает останавливаться. Но я и не хочу, чтобы он прекращал. Моё тело вызывает к нему, а между ног и вовсе полыхает огнём.

Я так скучала. Боже...

Целую Эмира в ответ, царапаю ногтями шею, и в голове стучит только одна мысль: теперь мы сможем быть вместе. Всегда. Плевать, что он обманул меня и какими мотивами при этом руководствовался. Я ведь тоже врала ему. Он всё объяснит мне потом. Всё будет хорошо. Мы поговорим, всё выясним, извинимся друг перед другом, но позже. Сейчас мы оба хотим одного и того же.

Плавлюсь, умирая в его властных руках, растворяясь и пропадая. Сознание начисто стирается, а мир вокруг перестаёт существовать. И лишь когда Эмир разворачивает меня и грубо нагибает над столом, я немного прихожу в себя.

– Что ты делаешь?

– Я неделю не трахался. Как ты думаешь, что я делаю?

Он одним движением задирает пышный подол платья, матерится и отвешивает по моей заднице звонкий шлепок. Мне не нравится, как Эмир ведёт себя сейчас со мной. Слишком грубо. Слишком... потребительно. Хочу выпрямиться и одёрнуть платье, но Эмир припечатывает меня к столу. Его пальцы оттягивают полоску стрингов в сторону, растирают влагу, а затем я чувствую холод на ягодицах. Вжик – и ножницы перерезают кружево.

– Ноги шире, – звучит холодный приказ, но я не подчиняюсь.

Эмир сам раздвигает их коленом, а затем я слышу, как звякает пряжка ремня. Знаю, что он не сделает мне больно, ведь я тоже успела возбудиться. Но сам факт того, что Эмир сейчас поимеет меня, распластав на столе против моей воли, унижает.

Слёзы жгут глаза, когда он входит в меня, засаживая сразу глубоко и отнюдь не нежно. Эмир совершенно не заботится ни о моём комфорте, ни о моём удовольствии. Он долбится в меня как фанатик, его пальцы впиваются в бёдра, раскачивают их. С каждым остервенелым проникновением бьюсь о стол всё сильнее. Но этой боли я не чувствую. А вот слова, которые Эмир произносит – ранят.

– Этого ты хотела? Жить в роскоши и богатстве? Купаться в брильянтах? Но при этом как проститутка раздвигать ноги по приказу нелюбимого мужика? Этого, блять? Радуйся, ты получила желаемое. Нужно признать, у тебя хорошо получается. Быть покорной шлюхой – твоё призвание.

Он вбивается в меня ещё сильнее и глубже, словно напололам разломать желает. Но ломает Эмир не тело, а сердце. И не напололам, а вдребезги.

Он и раньше во время секса не шибко сдерживал свой жгучий темперамент, но сейчас Доган не просто трахает меня, а обрушивает на меня всю ярость, которую я сама же в нём и породила. Назар хоть и трахал меня жёстко, но всегда был чутким и внимательным, стараясь

доставить мне удовольствие, а Эмир... Эмиру плевать на то, что может сделать мне больно или унижить. Он уже унижает. Пусть здесь никого, кроме нас, нет, но мне так горько внутри. Так обидно. Знаю, он вправе злиться. За мою ложь, за те слова, что я ему наговорила. Но ведь и он не был честен со мной.

Моя сказка, которая ещё несколько минут назад казалась реальной, рушится с оглушительным треском. Эмир устроит мне ад. Он будет мстить, я уверена. То, что происходит сейчас – только начало.

Кончает Эмир прямо в меня, я чувствую это. Он впервые не надел презерватив. Значит, теперь ему и правда плевать на моё мнение и состояние. Он вытаскивает член, и я медленно распрямляюсь. Стираю слёзы, ощущая, как сперма стекает по ногам. Эмир не предлагает мне салфетки, полотенце или помощь. Он вообще не произносит ни слова. Озираюсь по сторонам в поиске того, чем можно обтереться, но не нахожу ничего подходящего, и всхлипываю, не в силах сдержать новый поток слёз.

Чёрт! Не хочу реветь перед ним. Не хочу показывать свою слабость. Но как же мне паршиво сейчас. И ещё почему-то стыдно. Он поймел меня как какую-то шлюху. Грязно. Быстро. Пошло.

Потому что может.

Потому что ненавидит.

Потому что не уважает.

И я сама этого добилась.

Поднимаю с пола разрезанные трусики, вытираюсь ими, отправляю их в мусорное ведро, привожу платье в порядок. Вижу зеркало в другом конце кабинета и направляюсь к нему. Выгляжу я ужасно. Не потрёпано, а именно ужасно. Глаза заплаканные, макияж и причёска испорчены, губы искусаны. Как в таком виде появиться на людях? Мне самой от себя тошно.

– Эмир, мне нужно в свою комнату.

Так странно называть его другим именем. Но сейчас он именно Эмир Доган. Равнодушный незнакомец, а не мой Назар, которому ещё вчера, как мне казалось, я разбила сердце.

– Выпусти меня отсюда. Мне необходимо привести себя в порядок, – я не требую, боясь заслужить ещё один наплыв его злости, но и не прошу. Эмир и так достаточно унизил меня. Не собираюсь я ещё и умолять его о чём-то.

Он расслаблено откидывается на спинку кресла, делает глоток виски, затем размещает руки на подлокотники.

– Зачем? – спрашивает, но смотрит при этом не на меня, а в стену.

– Ты разве не видишь, как я выгляжу?

– Присядь, – бросает холодно, всё так же не смотря на меня.

Мне хочется съёжиться от его равнодушного голоса, но я ни за что не позволю себе выглядеть в глазах Эмира ещё более жалкой. Беру волю в кулак и заставляю себя расправить плечи, а затем опускаюсь в кресло сбоку и жду. На столе перед нами лежит какая-то папка. Чёрная, не особо тонкая. Разглядываю её, потом переключаюсь на стены, лишь бы не смотреть на него, хотя очень хочется.

Минуты тянутся медленно, а мы так и продолжаем молчать. Меня для него словно больше не существует. От этого так больно. Украдкой смахиваю слёзы и нетерпеливо вздыхаю. Здесь настолько тихо, что я слышу тиканье часов и позвякивание кубиков льда в бокале Эмира каждый раз, когда он делает глоток.

– Мы долго ещё будем играть в молчанку? – напоминаю я ещё раз о своём присутствии. – Мне нужно идти готовиться к церемонии или нет?

– К какой?

– У нас же свадьба.

– Разве?

– Ты же сам хотел, чтобы я вышла за тебя замуж.

– Кто тебе такое сказал? Я не настаивал на браке. Мне, в общем-то, плевать. А вот твой отец очень жаждет видеть тебя моей женой. Как думаешь, зачем? Ему так важно, чтобы свадьба состоялась, что даже согласился подыграть мне, показав тебе чужое фото, – Эмир ухмыляется. – Он так тебя нахваливал, говорил, что ты настоящее сокровище. Нетронутый бриллиант. Но, как мы оба знаем, цветок я уже сорвал. Ты не прошла проверку. Ни по одному из пунктов.

Впиваюсь ногтями в ладони и недовольно бормочу:

– А ты, значит, ни в чём не виноват, так? Я одна здесь плохая?

– Ты не плохая. Просто очередная меркантильная пустышка. Совершенно не мой тип женщин. С такими нельзя создавать семью. Вы годитесь только для секса.

Его слова точно контрольный выстрел в голову. Про сердце я уже не заикаюсь. От него лишь одни ошмётки остались. Да, я понимаю, почему он так груб со мной. Вчера я тоже его не щадила, но... чёрт! Я не пустышка. Я кто угодно, но не пустышка, пусть Эмир и считает иначе.

– Значит, ты на мне не женишься? – тихо уточняю я, из последних сил сдерживая очередную поток слёз.

– Ещё не решил.

Сказать, что я в равной степени зла и растеряна – ничего не сказать. Вся моя уверенность растаяла и возвращаться, кажется, не собирается. Ничего не могу с собой поделать. Руки дрожат, в горле ком, а голос и вовсе подводит. Чувствую себя маленькой девочкой, которую предали и отдали на растерзание льву.

– И когда ты соизволишь решить? – бросаю взгляд на часы. – Гости давно внизу. До церемонии осталось всего сорок минут. Мне должны успеть поправить макияж и причёску. Эмир, открой дверь.

Ноль реакции. Я будто с мебелью говорю. Не знаю, как поступить. Грубить точно нельзя, хотя язык так и чешется, лебезить – тоже не лучший вариант, а здравые рассуждения Доган игнорирует, продолжая делать вид, что находится здесь один. Он сейчас такой... чужой. Совершенно незнакомый человек сидит со мной в одной комнате. Я будто впервые его вижу.

Эмир неприступен, жесток и до умопомрачения богат. Ему дико идёт смокинг и этот бокал с дорогим алкоголем. Идёт холодность и отстранённость. Идёт власть, роскошь и деньги. Я ведь всегда мечтала о таком мужчине. Взрослом, но не старом. Волевым, красивом, сексуальном и состоятельном. Добившемся всего, о чём можно мечтать. Но почему сейчас у меня так болит сердце?

Потому что я знаю: Эмир меня не любит. А я люблю. Мои чувства никуда не делись. Даже после того, как узнала о его вранье. Даже после того, как он взял меня у стола и кончил в меня, не думая о последствиях. Даже сейчас, когда он сидит и игнорирует моё присутствие, я украдкой смотрю на него, восхищаюсь и еле-еле подавляю желание сесть к нему на колени.

Глупая Алина...

Надежда, говорят, умирает последней. И я больше не хочу испытывать судьбу. Если сейчас начну ластиться к Эмиру, то только разозлю ещё больше. А я и так уже успела испытать на себе его гнев.

Спустя ещё минут десять Эмир допивает очередной бокал и наконец обращает на меня внимание. Улыбается, подаётся вперёд, берёт со стола папку и протягивает мне. Впервые за всё время нашего знакомства его улыбка мне совсем не нравится.

По мере изучения содержимого на меня обрушиваются волны отчаяния. Каждая из них – сильнее предыдущей. Я не знала, как обстоят дела на самом деле. Да, папа сказал, что у него проблемы, но не уточнял какие именно. И уж тем более не говорил, что замешан не он один. Папа не просто ввязался в сомнительную и нелегальную авантюру, он и нас с мамой поставил под удар. Наши имена фигурируют в документах. И на маму, и на меня открыты офшорные

счета, куда поступали грязные деньги. Это же уголовка. Господи... Если папа не выплатит всё, что задолжал, то всё вскроется. Однако тюрьма станет для нас спасением, а не приговором. Люди и за меньшие деньги убивают. А суммы долгов такие, что нам в жизни их не покрыть.

Единственный, кто готов выкупить их – это Доган. Вот только есть один нюанс: вместе с долгами он заберёт и бизнес. Контрольный пакет акций окажется в его руках, и компания отойдёт Эмиру. А папа станет просто генеральным директором. В договоре и документах ни слова о свадьбе. Доган сказал правду. Это не было его требованием – понимаю совершенно точно. Отец соврал мне. Я не нужна Эмиру. Папа сам предложил меня ему, чтобы стать его тестем и обеспечить себе благосклонность Догана.

Папка падает на пол, и глаза снова наполняются слезами. Меня трясёт, тошнота подкапывает к горлу, а зрение покидает. Кажется, если встану на ноги, то тотчас рухну.

– Ну что, Катюш, как тебе такая сказка? – доносится сквозь звон в ушах, и я понимаю, что с этой минуты моя жизнь и правда целиком и полностью находится в руках Эмира Догана.

Глава 2

Эмир

– Я... я Алина, – шепчет она, роняя слёзы.

Она выглядит такой несчастной и растерянной, что, даже несмотря на злость, которая плещется внутри меня, хочется обнять и утешить, но я гашу этот порыв. Алина Воскресенская предельно ясно показала, кто она есть на самом деле. Очередная избалованная сучка, считающая себя королевой. И плевать она хотела на других людей. Меркантильная дрянь, каких вокруг меня и так предостаточно. Им всем важны только деньги и статус. Больше ничего.

Если бы она дала Назару шанс, ей не пришлось бы выбирать. Я бы сказал ей правду сразу же. Но Алина выбрала деньги, а не любовь. Что ж. Меня вполне устраивают товарно-денежные отношения. Алина Воскресенская получит свою сказку. Но вряд ли эта сказка ей понравится.

А в какой-то момент я ведь и правда поверил в то, что она хорошая. Наивный дурак. Алина – дочь Григория Воскресенского. Яблоко от яблони всегда падает недалеко.

Этот человек уничтожил мою жизнь и даже не помнит об этом. Он не узнал меня, потому что никогда прежде не видел. Имя я сменил, создав новую личность.

Когда умер отец, мне было двенадцать. Я видел, что мама была убита горем. Она не замкнулась в себе, продолжала ходить на работу, готовить, убираться, говорить со мной, принимать активное участие в моей жизни, но из её глаз исчез свет. Я дал себе слово, что верну его. Сделаю всё, чтобы мама снова улыбалась и сияла.

Я хотел вытянуть нас из нищеты, в которой мы оказались после смерти папы. И у меня получилось. Я выучился на архитектора. К двадцати четырём годам встал на ноги. По крайней мере, мне так казалось. У нас наконец-то появились деньги. Мама жутко гордилась мной. И она улыбалась. Её улыбка придавала мне сил и согревала изнутри.

Я работал как чёрт. Не на дядю, нет. У меня был свой, пусть маленький, но всё же бизнес. Агентство по строительству, ремонту и дизайну помещений. Ума не приложу, как мне удалось собрать такую отличную команду, но спустя всего три месяца дела круто пошли в гору, и я вздумал расширяться, чёрт меня дери. Нашёл инвесторов, убедил их поверить в меня и через полгода уже смог тягаться с топовыми строительными компаниями.

Ох, если бы я только знал...

Когда я первый раз полюбил, мне было двадцать пять. Красивая, чистая и добрая девушка – так мне казалось. Но на деле – тварь, которую подослали конкуренты, чтобы лишить меня всего.

Именно моя компания выиграла тендер на крупный заказ. И не где-нибудь, а в России.

Мой папа русский, и он брал меня с собой в Москву, когда мне было восемь. Я провёл здесь целое лето и с тех пор мечтал снова прилететь сюда. Не было ни одного дня, чтобы я не практиковался в произношении русских слов. Отец всегда говорил со мной только на своём родном языке. Но, когда папы не стало, пришлось разговаривать с зеркалом. Мама плохо понимала по-русски.

Когда-то давно отец приехал в Турцию и встретил мою мать. Курортный роман перерос в серьёзные отношения, папа сделал маме предложение, эмигрировал, получил гражданство и осел в Турции навсегда. Я – ребёнок любви русского и турчанки. Во мне много противотечений, и характер у меня не сахар, но я знаю, что такое настоящая любовь. Видел на примере родителей. Жаль, что папа так рано нас покинул.

В общем, я чуть не прыгал от радости, выиграв тот тендер. Представлял, как гуляю по Красной площади, как еду на озеро, где мы с отцом рыбачили, и улыбался во весь рот. Мама согласилась полететь со мной. Но у судьбы были совсем другие планы.

В тот же вечер к нам в дом вломились люди. Плохие люди. Их было много, скрутили они меня быстро, хоть я и успел оглушить троих. Мама пыталась помешать им увести меня, и её застрелили. Прямо на моих глазах.

Я очнулся в больнице спустя несколько дней. Волонтеры подобрали меня на свалке. Избитого до полусмерти. Наверное, наёмники подумали, что я умер, поэтому не пустили контрольный в голову. А может, просто оставили подыхать как собаку.

Я поклялся отомстить. И вот я здесь. Ведь именно Григорий Воскресенский стоял за всем этим. Не он один, но с его турецкими партнёрами я уже почти расправился. Явуз гниёт в тюрьме, а Чакир вот-вот составит ему компанию. Воскресенского ждёт участь не лучше. Я уничтожу их, а потом брошу гнить за решётку.

Они забрали у меня всё. Девушка, подосланная ко мне, выкрала документы компании и подожгла мой офис. Наш дом тоже сожгли. Меня подставили, сфабриковали доказательства, обвинили в мошенничестве, а компанию без моего ведома переписали на подставное лицо.

В одночасье я лишился всего – матери, девушки, на которой хотел жениться, фирмы, репутации, жилья. Даже жизни. Когда-то меня звали Назар Лавров. Но тот парень умер семь лет назад.

А вот Эмир Доган вполне себе функционирует и наконец-то силен настолько, что готов стереть в порошок всех, кто был причастен к случившемуся. Любой ценой.

Да, я умер в ту ночь. А тому, кто уже мёртв, терять нечего.

Мне всего тридцать два, но я уже стал тем, кто может подмять под себя кого угодно, если понадобится. *Что за волшебство, так не бывает* – скажете вы. И я отвечу: никакого волшебства, лишь стечение обстоятельств и цель, которая мной движет. Человек способен горы свернуть, если знает, ради чего он это делает.

Так уж вышло, что меня выхаживал Керем, основатель центра социальной помощи. Под его началом и находится та больница, где я оказался. Керем – добрейшей души человек. Мудрый, светлый, готовый ради других отдать последнюю рубашку. Он открыл мне глаза на многое. Не дал сгинуть во тьме, которая до сих пор жрёт меня изнутри.

Но Керем не всегда был таким просветлённым. Он не понаслышке знает, что такое тёмная сторона. Когда-то давно Керем был членом криминальной группировки. А оттуда просто так не уходят. Нет, Керема никто не тронул, его отпустили с миром. Даже защиту его социального центра обеспечили. Но ничего не бывает даром. Взамен на это Керему поставили условие: при необходимости оказывать медицинскую помощь членам группировки, не привлекать полицию и не задавать вопросов. Мог ли он отказаться? Думаю, ответ очевиден.

Так вот, о случайностях. На моё счастье или беду, соседом по палате оказался не абы кто, а сам главарь той группировки. Хотя во главе он встал аккуратно после нападения на них с отцом. Отец не выжил, а Юсуфа еле вытащили с того света.

Может, поэтому Юсуф настолько проникся моей историей и захотел помочь. Я даже не попытался отказаться. Выбора у меня особо не было, к тому же ярость и жажда мести затуманили мой разум. Я принял предложение, прекрасно понимая, что без посторонней помощи буду карабкаться наверх до самой старости.

Прошло всего семь лет, а у меня уже есть всё. Деньги. Связи. Имя. И два надёжных друга – Керем и Юсуф. Они не предадут, знаю. Я могу доверить им даже свою жизнь.

Легален ли мой бизнес? Всё в рамках закона, а они, бывает, гнутся и расширяются, если есть нужные связи.

Всегда ли я действую честно? Никогда больше не позволяю себе такой роскоши.

Измарал ли я руки в грязи? Да, и не только в ней.

Это я подослал к Воскресенскому тех, кто в итоге убедил его ступить на скользкую дорожку. Я сделал так, чтобы он прогорел. План требовал времени. И это лишь первая ступенька к уничтожению Григория. Я ждал долгих семь лет и подожду ещё. Всё будет сделано идеально. Никто меня не заподозрит. И я не успокоюсь, пока не увижу, как Григорий Воскресенский ползает у меня в ногах и молит о пощаде. Но и тогда вряд ли я обрету покой. Страдающей душе он неведом.

– Эмир, – окликает меня Алина, вырывая из пучины мыслей. – О чём ты хотел со мной поговорить?

Я и забыл про неё, настолько тихо она сидела. И вот что с ней делать? Опозорить прилюдно, разорвав помолвку и озвучив причину? Разумеется, я не опущусь до такого. Дети не должны расплачиваться за грехи родителей. Пусть Алина и дрянь, но она не монстр. Просто эгоистичная богатенькая сучка. Она восприимчива к чужому влиянию, значит, я могу использовать её в своих планах.

Только одного я пока до конца не понял: Воскресенский решил подложить её под меня, чтобы выбить к себе особое отношение, или решил с помощью Алины подобраться к моим делам? Он ведь уже проворачивал подобный фокус в прошлом. Вряд ли девчонка что-то смыслит в бизнесе или способна отключить видеокамеры и сигнализацию и вскрыть сейф. Она даже со стиральной машинкой не смогла совладать.

Перед глазами встаёт образ Алины, когда я застал её посреди разгромленной ванной, и уголки губ невольно ползут вверх. Но потом я вспоминаю её вчерашние слова, и меня словно ледяной водой окатывает, а ярость вновь ударяет в мозг.

Денег она хочет и ничего другого. Моих или чьих-то ещё – какая разница! Ей же плевать на чувства. Значит, ни моего уважения, ни моего внимания она не заслуживает. Ни капли. Ни черта, блять!

Так какого хрена до сих пор хочу её до умопомрачения? Ей ведь всего девятнадцать. Ни шарма, ни ума, ни опыта. Но кроет от неё так, что порой в глазах темнеет. Как представляю, что её будет трахать кто-то, кроме меня, так хочется всё вокруг разгромить.

Когда она в клуб потащилась, чтобы найти вариант на ночь, прибить её был готов. Сам не знаю почему. А если бы я не пошёл за ней, что тогда? Как вариант, нашли бы на утро где-нибудь на свалке. Повезло девчонке, что я слежу за ней с того дня, когда Воскресенский заикнулся о свадьбе. Нужно было подобраться к Алине, чтобы прощупать её отношения с отцом. Как оказалось, не такие уж они и радужные. Но это ещё не говорит о том, что она не сыграет против меня по просьбе папочки.

Сначала я думал отказаться от женитьбы, но, когда Воскресенский сказал, что в качестве свадебного подарка отдаст мне часть акций своей дочерней фирмы, я согласился. Наивный идиот обрадовался. Как можно быть таким недалёковидным?

Я уже владею его основной фирмой и скоро женюсь на дочери, а ведь это только начало. Алина – мой дополнительный козырь. Пусть Воскресенскому и наплевать на свою единственную дочь, зато его жене – нет. А она может влиять на мужа, это я сразу понял. Воскресенский будет умолять убить его, когда я с ним закончу.

Единственная проблема в Алине. Вроде и презираю её, но зацепила сучка. Красивая, как ни крути. Есть в ней что-то. Мозг вопит, что нужно послать её куда подальше, а вот мужская сущность клацает зубами и рычит «Моя!»

Смотрю на заплаканное лицо, искусанные губы и растрёпанные волосы, и меня опять накрывает. Нет, не отпущу я её никуда. По крайней мере, не сейчас. Поднимаюсь на ноги и цежу сквозь зубы:

– Бракосочетание состоится. Вставай и иди за мной.

Глава 3

Эмир

Вталкиваю её в комнату, завожу в ванную, говорю подойти к раковине. Когда Алина выполняет приказ, встаю за её спиной и чеканю:

– Смой с себя всю штукатурку, распусти волосы, расчеши их и подкрась ресницы. Этого будет достаточно.

Алина испепеляет меня глазами через отражение в зеркале и молчит. Бесит, не могу. Вроде и не перечит, но этот взгляд... В нём читаются протест и толика презрения. Смотрит она свысока, гордо вскинув голову. Королева, блять. Ну ничего, я поубавлю её спесь. Скоро станет шёлковая.

– Выполняй.

– Мне нужно будет сделать полноценный макияж, чтобы замаскировать все... – она осекается. – Следы.

– Не нужно. Пусть видят, чья ты.

– Эмир, я не могу показаться на людях в таком виде.

Подхожу к ней ближе и шиплю на ухо:

– С этой минуты ты будешь делать всё, что я говорю. Приступай. Или мне самому тебя умыть?

Злость ухает в висках с такой силой, что, кажется, ещё немного – и я придушу девчонку голыми руками. Не могу понять, что конкретно меня сейчас так бесит. Хотя нет. Могу. Я злюсь даже не на неё, а на себя, потому что снова ощущаю желание обладать ею. Долго. Жёстко. Во всех мыслимых и немыслимых позах.

– Не надо, я сама, – цедит она, берёт средство для умывания, открывает воду и склоняется над раковиной, упиравшись при этом пятой точкой мне прямо в пах.

Дьявол! Она издевается?!

И ведь, по сути, мне нужно просто отступить на шаг, но я стою как приклеенный к полу и сжимаю зубы каждый раз, когда Алина наклоняется и выпрямляется. Член наливается кровью и каменеет. Я же только минут тридцать назад потрахался. Какого хрена происходит вообще? Эрекция настолько мощная, что напрочь отрубает мыслительный процесс. Невозможно контролировать похоть, рвущуюся наружу. Алкоголь плещется в крови, отрубая тормоза. Хотел просто расслабиться, но в итоге немного переборщил с ним.

– Тебе точно нравится именно так? – спрашивает Алина, закончив умываться и промокнув лицо полотенцем.

В её голосе сквозит сарказм. Гадина смотрит на меня через зеркало, всем своим видом показывая не смирение, а чёртову гордость.

– Ну что, – она усмехается, видя, как я пожираю взглядом её искусанные губы, покрасневшие глаза и засосы на шее. – Не передумал?

– Нет, – сиплю и прочищаю горло. – Так в самый раз.

Руки сами тянутся вверх, и я распускаю растрёпанную причёску, а затем зарываюсь пальцами в пряди и прочёсываю их, чувствуя, как Алина при этом напрягается.

Обожаю её волосы. Длинные, густые. На свету кажутся светлыми, а в полумраке – тёмными. И пахнут восхитительно. Обхватываю её за талию, прижимаю к себе вплотную, и Алина вздрагивает. Неужели боится? С чего бы это вдруг? Ничего плохого я ей не сделал. Пока ещё не сделал.

Наматываю её волосы на кулак, поворачиваю её голову, наклоняюсь и целую. Первые секунды она просто позволяет себя целовать, не отталкивая, но и не отвечая на поцелуй. А затем вступает в настоящую схватку с моими губами и языком. Следом мне в рот раздаётся тихий стон, и предохранители с грохотом выбивает.

Разворачиваю Алину и прижимаю к стене. Задираю её руки над головой, сжимаю хрупкие запястья и вновь впиваюсь в манящие пухлые губы. Трясёт так, будто у меня острая стадия лихорадки. Умом понимаю, что пора прекращать это безумие, однако оторваться от девчонки очень сложно.

Мне реально стоит невероятных усилий, чтобы разорвать поцелуй, отпустить её руки и отстраниться. Алина смотрит на меня поплывшим взглядом, дыша при этом тяжело и над-рывно. Её грудь, приподнятая корсетом, призывно и часто вздымается.

Отворачиваюсь и произношу настолько отстранённо, насколько это вообще возможно при данных обстоятельствах:

– Лучше тебе и правда затонировать кожу, а то похожа на дешёвую шлюху. У тебя пятнадцать минут, чтобы привести себя в порядок. Выпрями волосы и никогда больше не завивай. Не люблю кудри.

Не дожидаясь ответа, быстро покидаю ванную комнату, а затем и спальню. Захожу в кабинет, приближаюсь к картине и пялюсь на голую сучку, сжимая кулаки.

Раскалённая похоть гонит кровь всё быстрее и быстрее. Алкогольное опьянение оборачивается против меня, подталкивая вернуться к девчонке, задрать юбку и трахать, вколачиваясь жёстко, выбивая из неё стоны, крики и слова о любви. Пусть лживые, пусть навеянные лишь вожделением. Пусть!

Мне плевать, любит она меня или нет. Я сделаю её своей, подчиню и буду иметь, когда хочу, как хочу и сколько хочу. Во всё щели. Много. Долго. По-всякому.

От развратных картинок, проносящихся в мыслях, я начисто теряю контроль. Нужно возвращаться в реальность. Но стоит открыть глаза, я вновь вижу её. Стоит у окна и смотрит на меня своими бездонными глазами, соблазняя совершенными формами.

Чёртова картина! Хотел изрезать и выбросить, но рука не поднялась, а надо было. Сколько часов я уже потратил, рассматривая изгибы её обнажённого тела? Много, дьявол меня дери, непростительно много! Эта тварь засела в голове и не выходит. Ну ничего, я её вытраплю. Всё приедается. Рано или поздно. И эта девчонка мне тоже надоест. Как и многие другие до неё. Ничего в ней особенного нет. Это просто физиология. Похоть, не более. Наиграюсь – и отпустит.

Ровно в назначенное время я захожу к ней в комнату. Алина уже ждёт меня. Все мои указания она выполнила в точности. Только вот во взгляде её сквозит не благодарность, а высокомерие и толика – самая чуточка – но всё же страха.

Очень хорошо. Пусть боится. Я давно понял, что, внушая людям страх, можно добиться очень многого. Гораздо больше можно получить, когда тебя именно боятся.

Плевать на её уважение и любовь. Не нужно мне от этой сучки ни того, ни другого. Со вчерашнего вечера я хочу видеть лишь её покорность. Алина Воскресенская опустится передо мной на колени и будет сосать с благодарностью и восхищением. Как самая настоящая шлюха, каковой она и является.

– Я готова, – тихо произносит Алина, и я киваю.

Подхожу ближе, подставляю ей руку.

– Думала, меня поведёт папа.

Ничего не отвечаю, просто веду её вниз. Туда, где все уже ждут счастливых жениха и невесту. Да начнётся шоу.

Я привык носить маски. Привык не показывать себя настоящего и разыгрывать партии, вводя в заблуждение всех вокруг. Дарить обворожительные улыбки, когда хочется либо выть

от отчаяния, либо проломить череп тем, кому улыбаюсь. Делать лицо кирпичом, даже если на душе так паршиво, что сдохнуть охота, или, наоборот, радостно.

Только с *ней* я был искренним. Самим собой.

Однако Назар ей не нужен. Он, как она выразилась, нищеврод и недостоин её. А ведь он был вовсе не нищий. Я примерил на себя образ простого парня, со средним стабильным достатком. Я был собой прежним. Назар Лавров твёрдо стоял на ногах. Хотя он и не являлся миллионером, однако мог обеспечить свою женщину всем необходимым: хорошей едой, нормальной квартирой, одеждой и прочими мелочами. И он любил бы её. Искренне. Всем сердцем.

Но Алина променяла это на дворец, бриллианты, люксы и мужа-миллиардера, который должен был бросить к её ногам весь мир. Однако нельзя получить всё и сразу. Так бывает только в сказках. А сказки Эмира Догана – это кошмары для Воскресенских. Не мир упадёт к ногам Алины, а она будет ползать в моих. Очень скоро.

– Можете поцеловать невесту, – подытоживает наши согласия служащая ЗАГСа.

Вот и всё, Алина. Ты поставила подпись, надела кольцо, сделала выбор.

Разворачиваюсь к ней, осторожно притягиваю к себе, провожу костяшками по её щеке, и Алина опускает густые ресницы. Ей нравится этот жест нежности с моей стороны. Разумеется. Я ведь не какой-нибудь нищеврод, от которого стыдно принимать ласку.

Обхватываю её голову ладонями и легонько касаюсь губ. Всё такие же вкусные и манящие. Но при этом – лживые и продажные. Алина накрывает мои ладони своими и распахивает огромные зелёные глаза.

Куда делся страх, девочка? Где твоё грёбаное высокомерие? И откуда взялась эта доверчивость?

Мне хочется проорать это вслух, но я лишь ласково улыбаюсь, делая вид, что простил её, и Алина улыбается в ответ.

Я целую её нежно, трепетно. Как в тот памятный вечер, когда нарисовал её, а она захотела остаться со мной. Со мной настоящим.

Целую и стираю из памяти этот эпизод нашей жизни. Вычёркиваю чёрными красками. Вытравливаю красными ослепляющими огнями. Они вспыхивают внутри меня. Отравляют и без того мёртвое сердце. И я даю себе слово, что больше не полюблю никогда. Не для меня это. Не про меня и не со мной. Некоторым просто не дано. Счастье – оно не для всех. Я возьму то, что хочу. Отомщу, восстановлю своё настоящее имя. Очищу его. Ради матери. Ради отца. Ради самого себя. И неважно, чего мне это будет стоить. Любовь может помешать моим планам. Как хорошо, что к Алине Воскресенской я испытываю лишь похоть.

Когда я отрываюсь от её губ, то замечаю в её глазах влажный блеск и толику надежды. Да, эта сучка и правда умирает последней.

– Объявляю вас мужем и женой!

Ну здравствуй, Алина Доган.

Под радостные выкрики толпы я веду новоиспечённую жену на середину зала. Свет приглушается, раздаются первые аккорды мелодии. Привлекаю Алину к себе, обнимаю за талию одной рукой, а другой сжимаю ладонь Алины и отвожу в сторону. Камень в кольцо впиивается в кожу, но это доставляет мне лишь наслаждение.

– Мне больно, Эмир, – шепчет Алина.

– Тебе больно? Поверь, ты не знаешь, что такое боль. Улыбайся, Алина Доган. Ты сорвала свой джек-пот.

Вижу, как тухнет её взгляд, как опускаются уголки губ, и сильнее сжимаю её руку.

– Я сказал: улыбайся. И постарайся не запутаться в платье.

Её щёки вспыхивают, а во взгляде появляется презрение. Выдохнув сквозь зубы, Алина всё же натягивает улыбку. Забавная девчонка, однако. Ну хоть скучно с ней не будет. Мне уже нравится семейная жизнь.

За первым танцем следует второй, потом третий. К нам присоединяются другие люди, а мы всё кружим, смотря друг другу в глаза. В этом немом диалоге так много смысла. Мы так близко физически, но так далеко по факту. Нас разделяет пропасть из лжи, предательства и мести.

Медленный ритм сменяется быстрым, и я утягиваю Алину к фуршетному столу. К нам сразу же подлетают фотографы, журналисты и просто желающие поздравить. Улыбаюсь гостям, принимаю поздравления, отвечаю на вопросы и держу Алину при себе. Не отпуская ни на шаг, не позволяя ей отойти от меня и пообщаться с родителями. Не хватало ещё, чтобы мамаша снова промыла ей мозги, а папаня надавал указаний. Теперь Алина моя, и я решаю, с кем ей говорить, а кого не подпускать к ней даже на расстояние выстрела.

Спустя несколько часов улыбок, тостов, танцев и застолья, я объявляю, что гостям можно веселиться хоть до утра, подхватываю Алину на руки и несу в её спальню.

– Спасибо, – выдыхает она, когда я ставлю её на ноги.

– За что?

– За то, что донёс. Я очень устала.

– Сейчас отдохнёшь. До завтра.

– А ты разве не останешься?

Зелёные глаза округляются, а на лице отражается печать непонимания.

– Я тоже устал. И я привык спать один. С утра важное совещание, мне нужно выспаться, а ты будешь мешать.

Пару секунд наслаждаюсь произведённым эффектом своих слов, а затем покидаю спальню. Должно быть обидно, когда тебя поимели как шлюху, но как жену проигнорировали. Пусть привыкает. Штамп в паспорте для меня ничего не значит. Я готов был дать ей всё, но она сама сделала выбор кем стать для меня.

Глава 4

Алина

Несмотря на невероятную усталость, этой ночью уснуть у меня так и не получилось. Нет, я не плакала, не выла, не крушила всё в моей спальне, на это элементарно не осталось ни слёз, ни сил. Я просто ворочалась с одного бока на другой, не находя удобной позы, или подолгу всматривалась в лепной потолок, наивно надеясь, что На... то есть Эмир всё-таки придёт ночевать ко мне.

Но он не пришёл. Ни через час, ни через два, ни через три, ни под самое утро. А я всю ночь думала о нём, прислушивалась к тишине за дверью и из раза в раз прокручивала весь вчерашний вечер.

Свадьба – долгожданное событие для каждой девушки. И она обернулась для меня сущим кошмаром. Фарсом. Долбаным театром.

Я думала, выйти замуж по договору – самое страшное, что со мной может произойти. Но увы. Я ошибалась. Как же я ошибалась. Во всём. Выйти замуж за любимого человека, который в тебе полностью разочаровался и презирает – вот что ужасно. И теперь этот ужас будет сопровождать меня каждый день до конца жизни. Или же до тех пор, пока Эмиру Догану не надоест мной пользоваться.

А именно это он и будет делать. Вчера муж чётко дал мне это понять. Вопросов нет. Есть лишь горькое сожаление, боль, раздирающая всю грудную клетку, и добрая порция злости.

Я сожалею, что испугалась бедности и вместо любви выбрала беззаботное будущее. Мне больно, потому что теперь я знаю наверняка, что моего Назара и его чувств ко мне не существует. Они были всего лишь инструментами. С их помощью Эмир проверял меня. И я провалилась. По полной программе. Не сдала экзамен, о котором даже не догадывалась. Из-за чего, собственно, я и злюсь до невероятности. Как на Эмира, так и на отца. Но на второго несоизмеримо сильнее.

Как он мог так со мной поступить? А как он мог так поступить с мамой? Он же нас обеих в свои грязные дела вмешал и при этом и словом не обмолвился. Я уже молчу обо всём, о чём он сговорился с Эмиром. До сих пор в уме не укладывается, что мой родной папа мог настолько меня подставить.

Интересно, а мама была в курсе их заговора с Эмиром? Она тоже меня обманывала всё это время, разыгрывая передо мной отменный спектакль? Если да, то я и её ни за что не прощу. Как не прощу папу и себя за свою беспросветную глупость.

Да! Я дура, каких ещё поискать. И лично об этом заявляю.

Я была ослеплена любовью и не замечала очевидных вещей. У меня даже подозрения не закралось, что Назар не такой уж простой бедный незнакомец, каким прикидывался.

Например, я напрочь забыла выяснить, откуда Назар узнал мой телефонный номер. Кроме папы, его никто не мог ему дать. Это же логично.

А его властные замашки? Я же с первой встречи оценила любовь Назара к приказам, от которых кровь стынет в жилах. Обычные механики или художники так не разговаривают. И не имеют столь бешеной энергетики и цепкого взгляда.

А поездка на частное озеро? Почему я так легко поверила, что на приватную территорию можно попасть, не нарвавшись ни на одного охранника? Абсурд, да и только. Обычно такие владения охраняются по высшему разряду. Знаю не понаслышке. И это лишь сильнее доказывает, что я конкретная идиотка, которая не сумела сложить два и два.

Назар смог беспрепятственно привезти меня на ту поляну только по одной причине – она принадлежит ему. И озеро, по ходу, тоже.

Как только рассвело, я увидела его. Окна моей спальни выходят точно на *наше* озеро. Всё такое же изумрудное, кристально чистое и спокойное, но, к сожалению, больше не вызывающее и крупницы того восторга, что оно вызвало у меня несколько недель назад. Лишь очередную порцию тоски, сожаления и злости.

Встряхиваю головой, отгоняя прочь счастливые и одновременно горькие воспоминания о времени, проведённом с Назаром, и тру сонные глаза. Они болят. И наверняка покраснели и опухли. Но пытаться заснуть я больше не буду. Да и смысл? Уже утро. Пора привести себя в порядок и встретиться лицом к лицу со своим первым днём супружеской жизни.

Что меня ждёт? Не знаю. Вряд ли что-то хорошее. Но я всё равно против своей воли ощущаю волнительный трепет от скорой встречи с Эмиром. И это неслабо бесит. Не должна я этого ощущать. Не после того, как он долгое время обманывал меня, а теперь планирует обращаться как с вещью. Ещё и указы вздумал давать, как мне следует выглядеть.

Чёрта с два! Вчера я стерпела, но сегодня не стану. Никогда ни под кого не подстраивалась и под него не буду. Ведь Эмир тоже не святой ангелочек, которого я, стерва меркантильная, задела за живое. Он тоже виноват во многом. И не собираюсь я превращаться в бесхребетную рабыню, потакая ему во всём и всегда. Естественно, перебарщивать и злить мужа я побаиваюсь, но чуток показать свой протест мне ничто не помешает.

Больше часа провожу в ванной комнате. Принимаю контрастный душ, чтобы взбодриться. Питаю тело кремами, лицо освежаю тоником и подкрашиваю ресницы. Помню, что Эмиру не нравится обилие штукатурки. Я и сама не люблю злоупотреблять косметикой, поэтому в этом плане я с ним солидарна. Но вот кудри... Не любит он их? Что ж... Прекрасно! Значит, накручу их пообъёмней. Так, чтобы он издалека заметил мою шикарную укладку и понял, что беспрекословная покорность – это не про меня.

Оглядев результат своего преображения в зеркале, я даже немного приободряюсь. Волосы – огонь. Порозовевшее лицо тоже загляденье. А туфли на высоких каблуках и утончённое шёлковое платье, длиною ниже колен, с целомудренным декольте, придаёт моей статной осанке элегантности и добавляет мне несколько лет. В хорошем смысле. Сейчас я действительно похожа на молодую жену успешного бизнесмена, а не на холёную мажорку, вечно ругающуюся с отцом.

Дополняю сей женственный образ серьгами с брильянтами и маленьким кулоном, а затем воодушевлённая встречей с мужем покидаю комнату и спускаюсь вниз. Мне требуется минут десять, чтобы найти столовую в этом огромном доме, а когда наконец нахожу, моё настроение неминуемо падает.

Эмира здесь нет.

– Доброе утро, Алина Григорьевна. Завтрак уже на столе, но, если вы желаете что-то определённое, скажите, и я приготовлю, – учтиво произносит прислуга, но я игнорирую её слова. Аппетита и до этого особо не было, а сейчас он и вовсе пропал.

– Где Эмир?

– Вы с ним разминулись. Он уехал буквально пять минут назад.

– Куда?

– Простите, Алина Григорьевна, но он не отчитывается перед нами. Сказал лишь передать вам, чтобы к двенадцати вы были готовы. Водитель отвезёт вас в аэропорт.

– Что? В какой ещё аэропорт?! – непроизвольно повышаю голос.

– Простите, этого он тоже не сказал. Было приказано приготовить вам завтрак и сообщить, что сегодня вы улетаёте в Турцию.

– Как сегодня?! – вконец впадаю в шок.

Я, конечно, предполагала, что мы вскоре полетим к нему на родину, но не на следующий же день после свадьбы. Эмир, что ли, совсем обезумел? Ещё и к полудню сказал быть готовой? Так до двенадцати всего три часа осталось. Как же я успею за это время добраться до дома, уложить всю свою московскую жизнь в чемоданы, попрощаться со всеми друзьями и поговорить обо всём с мамой? Я обязана перед отъездом встретиться с ней, чтобы выяснить все волнующие меня вопросы вживую, а не по телефону. Однако мой муж явно считает иначе.

Перепуганная моим негодованием служанка также нервно блеет о том, что, оказывается, все мои вещи уже доставлены в частный джет Догана. Он сам прибудет туда аккурат ко времени отлёта.

Стоит ли мне описывать степень своего возмущения? И оно лишь возрастает в стократ, когда я узнаю у служанки номер Эмира и звоню ему, а он не отвечает. Звоню маме, потом предателю папе, но ни одна, ни второй почему-то не снимают трубку. Домашний телефон тоже никто не поднимает.

Чёрт! Да что ж такое?! Я не могу улететь сегодня! Не так быстро! И без предупреждения. Я же не в отпуск на недельку еду, а переезжаю из родной страны в абсолютно чуждое мне место. С другой культурой, людьми и традициями. Там не будет моих друзей, подруг, мамы. Я там буду одна... с мужем. Или лучше сказать – с презирающим меня незнакомцем, который в очередной раз уткнул меня носом в то, что я для него пустое место. Эмир не собирается ни обсуждать со мной ни одно своё решение, ни спрашивать моего мнения на тот или иной счёт.

Со вчерашнего дня я для него никто.

Заслуживаю ли я подобное отношение? Возможно. Но я не собираюсь с ним так просто мириться. И я сегодня же дам Эмиру это понять!

Глава 5

Алина

Ненавижу ждать. Вот серьёзно. И Эмиру об этом прекрасно известно, но он будто назло заставляет меня как верную собаку томиться в ожидании его прихода.

Водитель и, по всей видимости, мой очередной охранник привёз меня в аэропорт ещё пятьдесят минут назад. И зачем, спрашивается? На черта я бессмысленно просидела в салоне самолёта так долго, если это время могла потратить на более важные дела? Какие? Не имеет значения. Я бы что-нибудь придумала. И это в любом случае было бы куда важнее и продуктивнее, чем тупое сидение в кресле в одиночестве.

Мои нервные клетки на исходе, а руки так и чешутся придушить Эмира в первую же секунду, как увижу. И, честно, ещё через десять минут ожидания мне правда кажется, что я сделаю это. Однако мой воинственный настрой как по щелчку пальцев растворяется, стоит моему мужу войти в салон джета.

– İnsanlara ikinci şans vermediğimi biliyorsunuz, – строго произносит Эмир, разговаривая по телефону, а у меня от его голоса внутри вновь разворачивается девятибалльный смерч.

Чёрт... Какой же он... Убийственно красивый в этом тёмно-синем костюме. Солидный. Мужественный. Сильный. И я говорю не только про физическую силу, но и про ментальную. Появление Эмира миг наполняет воздух напряжением, смешивая его с мускатными нотками мужского парфюма. Даже не глядя на меня, Эмир морально придавливает меня к креслу своей мощной аурой, покоряет плавностью своих движений. Глаз оторвать от него не могу, пока он уверенной походкой приближается и садится в кресло напротив.

Дышать становится труднее, сердце предательски срывается с цепи, а вся моя злость с негодованием обильно сдабриваются возбуждением. В то время как Эмир продолжает спокойно вести деловой разговор, полностью игнорируя моё присутствие. Меня будто нет для мужа.

Поджимаю губы от досады и устремляю взгляд в иллюминатор, заклиная себя не пролить перед ним ни одной чёртовой слезинки. Потом где-нибудь в одиночестве я поплачу, но сейчас не будет этого. Довольно! Мне лучше следует вспомнить, что именно меня выводило из себя ещё пять минут назад, и держаться за эти эмоции.

– Anladım. İner inmez seni arayacağım.

С этими непонятными для меня словами Эмир заканчивает разговор и просит стюардессу передать пилоту, что можно взлетать. Та улыбается, кокетливо хлопая глазами, чем вымораживает меня до предела. Но ещё больше меня вымораживает Эмир, потому что он улыбается ей в ответ. Коротко. Всего на мгновение. Но так ясно и очаровательно, как улыбался мне Назар ещё совсем недавно. А теперь... Теперь, кроме холодного взгляда чертовски сексуального чужака, я ничего не получаю.

Эмир наконец соизволяет посмотреть на меня. Сначала в глаза, затем медленно скользит по мне с головы до ног и обратно. Снова в глаза. Но на сей раз не просто обдаёт холодом, а будто покрывает мне всю кожу ледяной коркой, невербально давая понять, что он чем-то недоволен. Могу предположить, что моими шикарными локонами.

Уже со злорадством предвкушаю, как он сделает мне замечание и рассердится, однако меня ожидает облом. Причём конкретный.

К моему превеликому удивлению, никаких претензий мужа не следует. Ни одного слова не срывается с его уст. Он откидывается в кресле, пристёгивает ремень и всецело погружается в экран айфона, словно выстраивая между нами незримую, непробиваемую стену.

Я негодную и с трудом сдерживаю язык за зубами, пока мы в полном молчании взлетаем и набираем необходимую для полёта высоту. Но, как только гаснет значок «пристегните ремни», моё терпение кончается, а раздражение вываливается через край.

– Зачем нужно было заставлять меня так долго тебя ждать? – цежу я, повернув голову к Эмиру.

Он и бровью не ведёт. Весь его фокус направлен на смартфон.

– Ты меня слышишь, Эмир, или я со стеной разговариваю? – спустя минуту молчания высекаю я.

– Слышу.

Ох, надо же! Слышит всё-таки!

– Тогда, может, ответишь, почему я должна была целый час тебя ждать? Ты считаешь это нормально? И то, что ты не предупредил меня о том, что мы сегодня покидаем Россию, тоже нормально? Я даже с родителями не успела попрощаться. Про друзей вообще молчу. Тут вообще-то вся моя жизнь, Эмир, а ты вот так просто увозишь меня!

– Теперь вся твоя жизнь – это я, Алина. И советую тебе прямо сейчас уяснить это и смириться. Думаю, для тебя это не составит труда. Это же твой выбор, – ровно проговаривает он, оставаясь абсолютно спокойным, пока меня разрывает на части. Я едва держу себя в руках.

– Да, мой, но это не значит, что я не имела права нормально попрощаться со всем, что мне дорого здесь, – запальчиво выдаю я, и Эмир с шумом выдыхает, словно уже успел устать от нашего короткого диалога.

– Я вижу, тебе дико хочется поработать ртом. Так вперёд, – он откладывает телефон на соседнее кресло и бросает выразительный взгляд на меня. – Используй его по назначению, а не ради болтовни, которую я не желаю слышать.

В мгновение ока поняв, на что он намекает, я дар речи теряю. А когда Эмир выдаёт приказ: «Ко мне», который я уже слышала в ночь нашей первой встречи, я осознаю, что он ни черта не шутит. Он правда требует, чтобы я сделала ему минет. Здесь. В самолёте. Вот так. Посреди важного для меня разговора.

– Ты не слышала меня, Алина? – понизив голос, спрашивает он. В чёрных глазах загораются опасные блики и немое напоминание о том, что у меня нет варианта не повиноваться.

От Эмира зависит судьба моей семьи и моя тоже. Я должна делать всё, что он скажет.

– Я слышала, но я не собираюсь ничего делать на глазах у посторонних. Только через мой труп, – хотелось бы выдать это уверенно и твёрдо, но под гнётом пристального взгляда мужа голос сипнет.

– О каких посторонних ты говоришь? Здесь никого нет.

– А стюардесса? Вдруг она войдёт?

– Она не посмеет без моего разрешения сюда войти, так что прекращай болтать и берись за дело.

Мои щёки и шею обжигает огнём, в груди всё неумолимо сжимается, вытесняя из лёгких весь воздух. Так больно... До смерти больно слышать его равнодушный голос. И ещё ужасней чувствовать, как моя гордость втаптывается в грязь.

Это же твой выбор.

В голове эхом раздаются слова Эмира, когда я заставляю себя встать с кресла, подойти к мужу и встать на колени между его широко раздвинутых ног. Эмир не предпринимает никаких действий. Просто, откинувшись в кресле, со снисхождением смотрит на меня сверху-вниз и ждёт, когда я всё сделаю сама. Как и полагается прилежной шлюхе.

Нечто гадкое взмывает в душе, когда я касаюсь пряжки ремня и трясущимися пальцами справляюсь с ней. Подумать только! Алина Воскресенская, а точнее, теперь уже Доган, девушка из высшего общества, одетая в платье от Chanel, калечит свои коленки о жёсткий пол, норовя доставить удовольствие ртом ненавидящему меня мужчине. Можно ли пасть ниже? Думаю, нет. Дно достигнуто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.